

*Моим мальчикам, которые в один
прекрасный день завоюют мир.*

Муниципальный округ Неданос и поселок Мёркабю, подобно Рафтинге из “Конца лета”, вымышлены. Однако на их создание меня вдохновили родные места на северо-западе Сконе, главным образом Бьюв, Осторп и Свалёв, раскинувшиеся на прекрасных склонах Сёдеросена.

Описанная в романе каменоломня существует в реальности; как и ее литературная сестра, она не отмечена на карте. Однако уже не одному поколению купальщиков известно, где она находится, — так же, как им известно: темная вода так глубока, что даже в Сконе в разгар лета она не нагревается выше двадцати градусов.

*The falling leaves
Drift by my window.
The falling leaves of red and gold.
I see your lips,
the summer kisses,
the sunburned hands I used to hold.
Since you went away
the days grow long
And soon I'll hear old winter's song
But I miss you most of all my darling
When autumn leaves start to fall.¹*

ДЖОННИ МЕРСЕР

- 1 *Там за окном
Роняют листья
В осенней дреме дерева
И с летом вдале
Уходят тихо
Твои слова, мои слова
Наш огонь души потушен пылью снежной,
Осень унесла любовь, мой друг...
Лишь в ночной тиши твой образ нежный
В памяти моей возникнет вдруг.
(Пер. В. Леонтьева)*

*“Come little leaves”, said the wind one day.
“Come over the meadows with me and play.
Put on your dresses of red and gold.
For summer is gone and the days grow cold”.*¹

ДЖОРДЖ КУПЕР

1 *Давайте, листочки, сказал ветерок
Летимте со мной, поиграем денек.
Наденьте наряды красные с золотом,
Ведь лето прошло. Земля ждет холода.*

Пролог

Вода начинала свой путь где-то в темных глубинах эскера — сложенной ледниками гряды. Бежала из подземелья наружу с таким напором, что прорывалась вверх, с усилием преодолевала метр за метром через скальную породу, плотный песок и глину. Эскер высился на двести метров, и без человеческой помощи вода быстро теряла скорость. Поворачивала и текла вниз, между корней лиственного леса, покрывавшего склоны, и под конец растекалась ручьями в крутых оврагах, прорезавших склоны ледниковых валов. Но в начале двадцатого века на вершине эскера, на самом хребте, заложили каменноломню. Диабас и амфиболит; жесткие, черной масти горные породы — такие хороши на могильные плиты.

Человек жадно разбивал кайлом, взрывал породу и вгрызался все глубже в скалу — до того самого дня, когда шахта пересеклась с водой и подземной реке открылся легкий путь на поверхность. Вода отблагодарила человека тем, что вырвалась наружу с силой, какой никто и представить себе не мог. Че-

рез какие-нибудь полгода насосы переломались, механизмы развалились, и каменоломню забросили.

Место пришло в запустение. Вода превратила пролом в глубокое озерцо, с трех сторон ограниченное темными крутыми скалами. С четвертой стороны протянулся на несколько метров “пляж”. Лес поглотил подъездную дорогу, поросль отвоевывала свои владения; наконец на месте старых барачков остались только заросшие развалины да пятачок берега, где камень слежался так плотно, что никакая жизнь уже не могла сквозь него пробиться.

Каменоломню открыли заново лишь в шестидесятые, когда лесовозам потребовались новые волокни. Вход туда, конечно, был запрещен, но со временем в это красивое уединенное место стали бегать купаться местные ребяташки. Здесь можно было встречаться и делать что угодно, не боясь попасть под чей-нибудь бдительный взгляд. К этому времени никто не помнил глубины каменоломни. Некоторые говорили, что вода уходит на двадцать метров ниже поверхности, другие — что на сорок. Иные даже утверждали, что каменоломня вообще не имеет дна, а возможно такое или нет — бог знает.

Много ходило слухов о том, что скрыто на глубине. Остовы автомобилей, воровская добыча, останки давным-давно пропавших людей. Рассказни множились, как хотели, чем дальше, тем диковиннее. Но те, кто лично наведывался к каменоломне, были уверены в двух вещах: что черная вода так глубока, что даже в разгар сконского лета не нагревается больше, чем на двадцать градусов. И что кто-нибудь из парней, которые повадились забираться на даль-

ний обрыв и нырять с самого высокого выступа, рано или поздно свернет себе шею.

Чтобы достать тело из воды, понадобились четверо пожарных. На усыпанном острыми камешками крутом берегу найти опору для ноги было непросто. Пару раз мужчины спотыкались и выпускали ношу из рук. Вода будто противилась им, желая удержать тело у себя как можно дольше.

На расстоянии казалось, что молодой человек спит. Он лежал на спине — закрытые глаза на бледном умиротворенном лице; вот-вот проснется.

Но когда тело с глухим страшным стуком положили на каталку, иллюзия развеялась. С одежды и длинных волос юноши стекала холодная вода, смешивалась с кровью из пробитой головы и собиралась в розоватые лужицы на носилках, чтобы потом, собравшись с силами, впитаться в сухую жесткую землю и исчезнуть в темноте.

Вода всегда стремится в самую низкую точку, подумал полицейский, стоявший поодаль. Может, записать? Пролистать блокнот до последней страницы, где собраны похожие мысли? Незначительные размышления, которые не имели отношения к полицейской работе, но которые все же следовало записывать — может, чтобы уравновесить другие записи. Но полицейский все медлил на странице, которую только что начал.

Вверху страницы он написал место, время и дату — всего через несколько минут после того, как вышел из машины.

Каменоломня Мёркабю, о.с.54, 29 августа 1990 г.

Под верхней строкой он оставил место для имен четырех молодых людей, топтавшихся перед ним с пепельно-серыми лицами; ребята старались не смотреть на носилки, но их словно тянуло бросить взгляд именно туда. Полицейский знал этих ребят, знал, в каком году они закончили школу, знал, живут они на гряде или внизу, в поселке, знал даже, как зовут их родителей и где они работают. Обычно ему нравилось выезжать на вызовы в сельскую местность. Личные знакомства, приятельские отношения. Но этим утром полицейскому впервые захотелось работать в городе. Он принялся записывать имена в столбик.

Александр Морелль
 Карина Педерсен
 Бруно Сорди
 Мари Андерсон

Всем по девятнадцать лет — так же, как юноше на носилках. Не далее как в июне полицейский видел их всех в кузове грузовика — студенты торжественно проезжали по поселку. Пили пиво из банок, дудели в дудки, размахивали белыми фуражками, вопили от радости: их ждет такое будущее!

“Симон Видье”, записал полицейский в самом низу страницы и подчеркнул оба слова двойной чертой. Он уже знал, кто жертва, хотя написать это имя означало для него сделать ситуацию совсем невыносимой. В коммуне Неданос все знали Симона Видье. Вундеркинд. Один на миллион. Парень, который завоюет мир, увидит удивительные места и возь-

мет в это путешествие родной поселок со всеми его жителями. Но история Симона закончилась в холодной черной воде, в провале всего в нескольких километрах от родного дома.

Затрещала рация, и суровый, хорошо знакомый голос продиктовал инструкции, которые полицейский тут же записал.

— Алекс, папа уже едет, — сказал он одному из ребят — широкоплечему спортивному парню с борцовскими ушами-“пельменями”; его имя шло в блокноте первым. Парень в ответ коротко кивнул.

Полицейский еще раз взглянул на четверку, наморщил лоб и сделал под именами несколько пометок.

У Мари Андерсон мокрая одежда, записал он. У Александра Морелля, Карины Педерсен и Бруно Сорди одежда сухая.

Возможно, это бессмысленное наблюдение. Факт, не имеющий никакой ценности. Во всяком случае, именно это полицейский будет утверждать потом, когда формулировка просочится в полицейский рапорт и люди станут спрашивать, что означают эти пятнадцать слов.

Но о грядущих трудностях полицейский еще не знал. Он знал только, что у него есть задание и его следует выполнить. Надо задавать вопросы, а ответы записывать в блокнот, страница за страницей.

— Итак, что же произошло? — Он старался говорить как можно мягче. Ни один из четверых не ответил. Ребята перестали наконец бороться с собой и теперь не сводили глаз с носилок. Красноватая вода продолжала сочиться из пробитой головы Симона Видье и уходить в самую низкую точку, дальше, ниже, в темноту.

Глава 1

Осень 2017 года

Вдоль длинной извилистой дорожки, круто взбиравшейся по гряде, тянулись вымоины и росли высокие деревья. Пылающие краски отражались в лаке машины, а потом ушли вверх, к высокому небу.

— Шведское лето умирает правильно, — говорил Хокан. — Взрыв красок — а потом вечный мрак, *that's the way to go*¹. Верно, Анна?

Потом он начинал мурлыкать припев к “*Out of the blue*” и изображать, будто играет на гитаре, пока Агнес и Анна не начинали корчиться от смеха. Хокану нравилась осень, он любил выбирать-ся на природу. Жить в палатке, бродить в горах. Оба они тогда были молоды, беззаботны. Маленькая Агнес качалась, легкая, как перышко, в слинге у него за спиной. С тех пор прошло пятнадцать лет, и все же Анна с легкостью вызывала в памяти эти дни. И песенку.

¹ Вот как надо (*англ.*).

“It’s better to burn out, than to fade away”¹, пел Нил Янг.

И все-таки Хокан сделал именно это. Он медленно потухал, *out of the blue och into the black*², пока у Анны в голове не остался от него только шепот.

Анна, милая, спаси меня!

Анна прибавила громкости — Агнес выбрала радиоканал с какой-то грохочущей музыкой, после чего, как всегда, уткнулась в телефон. Они ехали уже долго, почти семь часов, вдвоем в машине, но диалог дочери и матери длился в общей сложности не больше десяти минут. Анна крепче обхватила руль и заставила себя смотреть на дорогу, избегая деревьев, неба и красок, которые прорезали ее насквозь. Красные, золотистые и голубые лезвия бритвы.

Она ненавидела осень. Ненавидела.

Три ключа свисали со связки, воткнутой в замок зажигания. Первый — от виллы в Эппельвикене, она больше не их дом. Второй ключ — запасной к съемному жилищу Хокана, ключ, вообще говоря, следовало вернуть зимой, когда аукционная фирма освобождала унылые комнатухи. Ключ номер три отпирал ее кабинет в стокгольмском полицейском управлении. Этот ключ следовало сдать позавчера, вместе с пропуском, но Анна придержала его у себя.

Потому что, если открыть ключницу и начать доставать ключи, надо идти до конца, шептал Хокан. Доставай ключи все вместе. И не только ключи, но и замки, двери, комнаты — воспоминания.

Заткнись, буркнула Анна.

1 Лучше сгореть дотла, чем выцвести (англ.).

2 Из синего в черный (англ.).

Природа на вершине гряды была совсем другой, чем у подножия. Открытый ландшафт сменился лиственными лесами и холмистыми лугами с прочными каменными оградами. Белые коровы глазели на их машину. Как будто понимали: приезжие, чужаки. Двухрядная дорога, бежавшая по хребту гряды, была такой узкой и извилистой, что при виде других машин Анна рефлекторно сбрасывала скорость. Когда они подъезжали к перекрестку, мобильный GPS как будто заколебался. Анна понимала почему. Растительность на обочинах узкого съезда была недавно выкорчевана, гравий — темно-бурый, свеженасыпанный. А вот табличка со словом “Табор” оказалась старой, почти в заломах, как когда сминаешь бумагу, а потом пытаешься снова разгладить.

Мило сидел на коленях у Агнес; когда проселок исчез в зеркале заднего вида, терьер оперся лапами о дверцу и прижался носом к окошку. Хвост энергично ходил из стороны в сторону, словно собака узнавала эти места, что было, конечно, невозможно: ему еще не случалось ступить на землю Сконе. Агнес так и сидела, опустив глаза в телефон, ее пальцы быстро касались экрана.

Анна покосилась на часы. Фургон с мебелью, который они наняли для побега, приедет через час после них. Для переезда, поправила она себя. Это переезд и ничего больше.

Ну конечно, ухмыльнулся у нее в голове Хокан. Кого ты пытаешься обмануть?

Чтобы заглушить его, Анна еще прибавила гром-

кости. Узнала песенку — одну из немногих новых, которые ей нравились.

— О, хорошо! Сара Ла-арсон, — сказала она, в основном чтобы нарушить тишину, — и тут же попала в ловушку. Имя вышло как бы с придыханием, и Агнес в ответ не то вздохнула, не то хмыкнула, не поднимая глаз. У шестнадцатилетней дочери в запасе имелось достаточно способов наказать Анну. Волосы, выкрашенные в ярко-розовый цвет, одно колечко в ноздре и пять — в правом ухе. Дырявые джинсы, темный макияж, армейская куртка, стоптанные “конверсы” — вся эта униформа бунтовщицы стерла без остатка следы прежней Агнес. Не говоря уже о левацких идеях, ультрафеминизме, куртке с сообщением *“All Cops are Bastards”*¹ и прочих минах-ловушках, между которыми Анне приходилось пробираться с особой осторожностью, иначе каждый разговор между матерью и дочерью грозил закончиться взрывом. Но ни одно наказание и близко не было так эффективно, как то, к которому дочь прибегла сейчас. Молчание.

Обычно люди открывались перед Анной. Хокан утверждал, что она излучает особый свет. Однако все дело было в ее заикании. Анна знала, что заикается едва заметно — чуть притормаживает на определенных звуках, а иногда и вовсе говорит гладко. Она вообще не думала о заикании как о проблеме, пока родители, когда она училась в начальной школе, в один прекрасный день не отправили ее к логопеду. В результате Анна стала меньше говорить и сосредото-

1 Все легавые — сволочи (англ.).

чилась на слушании. Большинство слушает вполуха; в основном люди думают, что сказать, и потому пропускают суть чужих речей. И не только слов и интонаций, но и свойственных людям бессознательных микровыражений: движения головы, жесты, мимика, паузы. Знаки, которые иногда идут вразрез со словами. Именно так Анна поняла, что ее родители разведутся. И что Хокан ей изменяет.

Из-за молчания Агнес она, наоборот, сознавала каждое слово, каждую фразу, готовую сорваться с губ, и это чувство каким-то образом перемещалось в речевой центр. Превращалось в электрические помехи между мозгом и ртом, придавая Анне неуверенный вид. Анна бесилась, потому что на самом деле заикание не имеет ничего общего с неуверенностью.

Дыши, дыши...

Анна бросила взгляд в зеркало заднего вида и заметила, что стиснула зубы — какой у нее дурацкий вид. Темные волосы и глаза она унаследовала от отца, острый нос — тоже, но вот эта горькая мина у нее определенно от матери. Анна тряхнула головой, чтобы согнать с лица сердитое выражение, одновременно твердя себе, что правильно поступает, следуя совету школьного куратора проявлять терпение и избегать конфронтации. Ему-то легко было давать советы. Он общался с Агнес один час в неделю, а жить с ней ему и вовсе не приходилось.

Дыши...

Лес подступал к обочине гравийки все ближе, и Мило с взволнованным ворчанием все теснее прижимался к окошку. Этот пес — типичный пример

сумасбродств Хокана. На четырнадцатилетие Агнес Хокан просто явился в дом с собачкой в руках. Во время развода они обещали друг другу не скатываться в стереотипы. Держать себя ровно, не превращаться в доброго и злого полицейского. Но именно это они и сделали.

Хокану досталась главная роль — веселого любящего папы, а вот Анне, она сама не заметила, как это вышло, пришлось влезть в рамки стереотипной роли второго плана — скучная зануда-мамаша, которая только и знает, что рассуждать о правилах и ответственности. И настолько не любит животных, что даже не разрешает дочке завести щенка. Анна сдалась. Пустила это существо в дом, просто чтобы показать: она тоже умеет быть классной, способной к спонтанным поступкам. Не помогло.

Мило снова зарычал, на этот раз громче, словно заметил в тенях между деревьями нечто, понятное только собакам. Наверное, кроликов. Этот дурак с ума сходит по кроликам, может часами гоняться за ними, если сбежит, а сбегает он часто. Не в меру активный и избалованный, терьер смотрел на нее как на пустое место — примерно, как и Агнес. Зато Агнес он любил больше всего на свете, этого у него не отнимешь. А она — его. Иногда Анна ловила себя на том, что ревнует к Мило, что уже ни в какие ворота не лезло.

Дорога, петляя, уходила все глубже в лес, пылающая листва тесно смыкалась над головой, и хотя Анне уже давно показалось, что они добрались до вершины гряды, дорога продолжала подниматься.

— У тебя тоже уши заложило? — спросила она, по-

старавшись, чтобы голос звучал нейтрально. Агнес в ответ что-то промычала, не отрывая глаз от телефона.

Минут через пять они повернули и въехали на продолговатый двор. С обеих сторон тянулся лиственный лес, неба в просветах между кронами оставалось не больше пары метров. С левой — длинной — стороны протянулся в сторону деревьев сарай. Поодаль, с короткой стороны площадки, на склоне высился красивый старый дом из кирпича.

У дома стояла темная машина. Подъехав, Анна увидела, что кирпичи между первым и вторым этажами покрыты белой штукатуркой. Слева на белом прямоугольнике значился год — “1896”, за которым следовал текст “Skåden herrrens bergh”¹, исполненный наклонными буквами.

Место и дом оказались даже красивее, чем на фотографиях, но Анна вдруг занервничала. Откуда-то из диафрагмы внезапно поднялось смутное чувство тревоги, которое она не могла — или не отваживалась — назвать словами.

Когда они притормозили перед домом, ворчание Мило перешло в возбужденный лай. Он царапал дверь и бросался на окошко, словно хотел разбить стекло.

— Что ты, мой хороший? — Агнес хотела прижать пса к себе, но тот засучил лапами и снова набросился на окно; раздался громкий стук, и на стекле осталось пятно слюны.

— Мило, фу! — Агнес попыталась схватить его за ошейник. Собака завертелась, зафыркала и оска-

1 Возри на гору господню (*швед.*).

лила зубы. Телефон Агнес со стуком провалился между сиденьями.

— Ах ты!..

Ее пораженный тон как будто успокоил собаку. Мило сполз на пол и спрятал голову за фотосумкой.

— Он еще никогда на меня не огрызался. — Кажется, Агнес вот-вот расплачется. — Никогда!

— Наверное, писать хочет, — сказала Анна. — Видишь, как ему стыдно. Выпусти его — и увидишь.

Едва дверца открылась, как собака, извиваясь, пролезла мимо ног Агнес и белой кометой метнулась к деревьям.

— Мило, Мило, ко мне! — Агнес рванула к себе футляр с фотоаппаратом и кинулась за собакой, гравий захрустел под стоптанными кроссовками. Анна осталась стоять возле машины. Сегодня ей что-то не хотелось гоняться за Мило. К тому же он, как ей имела обыкновение холодно указывать Агнес, не ее собака.

Анна услышала, как терьер возбужденно лает в лесу, потом как Агнес орет на него, и не смогла подавить злорадную улыбку. Придурок, а не собака.

Она принялась рассматривать вторую машину. Чисто вымыта. “Пассат” модели этого года. Ни детских кресел, ни упаковок из-под еды из “Макдональдса” на полу, ни защитных экранов с Винни-Пухом на боковых окнах. На то, что машина не бесхозная, указывала только бутылка с водой в держателе между сиденьями.

Анна немного потянулась, пару раз глубоко вдохнула. Осеннее небо было высоким и ясным, в воздухе стоял запах земли и прелых листьев; этот

запах смыл неприятные чувства, и на их место пришло напряженное предвкушение. Вот они и приехали. Приехали в свой новый дом. Анна констатировала, что Табор ничуть не хуже, чем на фотографиях. Несмотря на кислое настроение Агнес и предпринятую Мило попытку сбежать, сегодняшний день казался Анне неплохим началом... *бегства*, прошептал Хокан, прежде чем Анна успела заткнуть его.

Крупный гравий во дворе был хорошо разрыхлен; оконные и дверные рамы, а также чердачный наличник недавно покрасили. Некоторые пластины черепицы на крыше были светлее других — значит, их заменили. Красивый старый дом из кирпича, две двери. Ближе к углу, к правому торцу, — широкая, двойная, что чисто технически означало: это главная дверь. Однако железный засов с большим всяческим замком свидетельствовал, что дверь больше не используют.

Другая дверь чуть левее центра фасада, всего в нескольких метрах от Анны. Выкрашенная зеленым, дверь высилась над метровой ширины ступеньками, добела истертыми многими тысячами шагов. Не успела Анна отойти, как дверь открылась и вышел мужчина, ровесник самой Анны.

Под метр восемьдесят ростом, в солнечных очках с черными дужками. Пиджак и галстук, но вместо костюмных брюк — джинсы.

— Здравствуйте-здравствуйте, вы, наверное, Анна Веспер. — Мужчина протянул руку. — Ларс-Оке Гуннарсон, юридическая контора “Гуннарсон”. Зовите меня просто Лассе, меня все так зовут.